

Sine ira et studio {*}

{* Без гнева и пристрастия (лат.).}

Немногие писатели столь самовластно господствовали над умами современников, как наш покойный историограф, и немногие столь постоянно удерживали за собою право завидного повелительства в области литературы. Позволялось не иметь понятия о бессмертных образцах древней словесности, об источниках знаний и вкуса: но -- не читать Карамзина значило не любить никакого чтения; не говорить о Карамзине было то же, что не пламенеть усердием к его славе; говорить об нем без восторга было то же, что обнаруживать (мнимое) зложелательство к его особе; находить погрешности в его писаниях значило обрекать себя в жертву ядовитым ветреникам или даже исступленным гонителям. Кавалеры, дамы, очарованные красотами разительнейших мест в Бедной Лизе, в Наталье боярской дочери, долго, долго хранили сладостные впечатления юного возраста и новому поколению передавали чувства безусловного удивления к автору прекрасных сказочек. Все в руках Карамзина превращалось в чистое золото: обыкновенная журнальная статейка шла за вековечный памятник преобразования русского языка и словесности; неуместная попытка в историческом романе заставить москвитянина и новгородку XV века ораторствовать, подобно Ливиевым⁶ и Саллюстиевым⁷ гражданам древнего Рима, принята за образец витийства, а мечтательная картина нравов небывалых и несбыточных -- за величайшее искусство освежить колорит древности в произведении цветущей волшебной фантазии; простой перевод из Олеариевых⁸ записок о мятеже московском при царе Алексее Михайловиче провозглашен отрывком неподражаемым, несравненным, достойным пера Тацитова⁹... И с писателем нашим сбылось то, что сказано Дюком де ла Рошфуко¹⁰ о модных людях: *la plupart des gens ne jugent des hommes que par la vogue qu'ils ont, ou par leur fortune* {Большинство судит о людях лишь по их популярности и по их богатству (фр.).} -- сбылось, но единственно в отношении к ценителям его литературных произведений; ибо поверье моды проходит, а Карамзин -- бессмертен.

Так, бессмертен Карамзин! Эта самая охота говорить о нем, хвалить или порицать его сочинения, находить в них красоты или недостатки; самые несогласия, споры, вражда между разномыслящими, покровительство с одной стороны, гонение с другой; самые подозрения, падающие на одних в непочтительности. На других в привязанности к имени, славе и творениям Карамзина -- все это не служит ли неопровержимым доводом, что мощный талант его собственно силою достиг недостижимой высоты на горизонте литературы отечественной, воссиял на нем и привлек на себя взоры современников? Подобные в мире явления сохраняются веками и передаются отдаленному потомству.

Надобно, чтоб какой-нибудь вес имели голос и мнение людей, которые при жизни писателя знаменитого страшались даже мысли обольщать его хвалами, искренними или притворными, а по кончине его не замедлили принять сердечное участие в общем сетовании. Говорить неприятные истины о трудах живого автора, без сомнения, невыгодно по многим отношениям, но и нисколько не зазорно, если суждения подкреплены доказательствами; отдать должное умершему, *sine ira et studio*, когда ни опасения, ни надежды не препятствуют действовать с благородною свободой, есть приятнейшая обязанность для человека, привыкшего быть *самим собой* всегда, неизменно. Последуем сему правилу и скажем прямо: Карамзин не имеет себе равного на трудном поприще бытописателя в нашем отечестве -- так, и виновны перед памятью незабвенного, во-первых, те, которые на славном имени его еще покушаются основывать неблагонамеренные свои виды; виновны легкомысленно произносящие решительный суд о трудах его, не помышляя ни о предках, ни о потомках, не принимая в соображение ни состояния наук в отечестве нашем, ни начала словесности с возможными ее успехами, ни хода происшествий как причин действующих; виновны изрекающие приговор свой о трудах ума созревшего по опытам игривой молодости; виновны с похвалами своими и порицаниями те, которые, не зная обязанностей бытописателя, нашего современника, не изучавши источников, даже не читавши самой Истории государства Российского ни с критическою разборчивостию, ни поверхностно, играют легковерием людей, готовых всем обольщаться.

Опыт, смею думать, многим доказал уже справедливость слов незабвенного историографа,